

Алена Харитонова
Алексей Ильин

КАЖДОМУ СВОЕ

ЧАСТЬ III

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Х20

Харитонов А., Ильин А.

Х20 Каждому своё. Испытание на прочность / А. Харитонов,
А. Ильин — М. : RUGRAM, 2025. — 282 с. — (Каждому свое).

ISBN 978-5-517-13400-4

На три вещи можно смотреть бесконечно: на умирающего врага, на дележку денег, взятых у врага, и на проблемы врага.

Вчера серьёзные неприятности были у обитателей Зоны отчуждения. А сегодня настала очередь корпов. Посмотрим, пройдут ли они испытание на прочность.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13400-4

© Алёна Харитонов, текст, 2025
© Алексей Ильин, текст, 2025
© Нина Неангел, оформление, 2025
© RUGRAM, 2025

ОДИН ДЕНЬ ДО БОЛЬШОГО ПРАЗДНИКА. ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Резидента «Мариянетти» Уго Барбиери в секторе сто семнадцать разбудила ранним утром сработавшая сигнализация. Когда он вышел в комнату наблюдения, то обнаружил, что одна из камер внешнего контура отрубилась. Как нарочно, именно та, сектор обзора которой вообще не перекрывался другими.

В обычные дни на подобные накладки особого внимания не обращали — неспешно исправляли в течение дня, внешний контур — не внутренний. Но сейчас, когда погибли уже четыре резидента, подобная медлительность могла стоить жизни.

Тем временем подтянулись трое охранников из резервной смены. И как раз к их приходу камера ожила. Умная система видеонаблюдения мгновенно подсветила новый предмет, оказавшийся в поле ее зрения. После приближения стало видно, что это небольшой коммуникатор, которым придавлена записка.

Уго с легкой тоской подумал о корпоративных секторах, где в аналогичной ситуации можно было вызвать спецов, чтобы те взяли неожиданный подарок дистантом. Ну а тут, раз нет ни спецов, ни дистанта, придется обходиться людьми.

— Идите и заберите, — приказал резидент, но, видя явную неохоту охранников, добавил: — Да не мина это. Была б мина, так явно бы не подкинули. Но всё равно аккуратнее там.

Охранники вышли и вскоре появились на одном из экранов системы наблюдения. Двое контролировали обстановку, третий же длинным телескопическим щупом подогнал взрывоустойчивый герметичный радионепрозрачный бокс к подозрительному комму и аккуратно подтолкнул девайс внутрь. Затем включил камеру на конце щупа, поднес к записке:

— Босс, видите?

— Да, — отозвался Уго, читая сообщение, нацарапанное на клочке бумаги: «Проверьте преднамеренные уязвимости в безопасности и снимите инфокопию. Отправьте в Центр. В ближайшее время свяжемся».

Что за дерьмо?

И сразу ясно: геморроя теперь прибавится.

* * *

Рекс проснулся, когда Мэрилин тихонько соскользнула с кровати. Да, заснули они уже под утро, изрядно вымотанные, но не услышать, пусть и осторожное, движение рядом... За такое в учебке голову бы открутили. Он дал женщине накинуть халатик, а затем тихонько выйти из комнаты и лишь после этого посмотрел на часы.

Подниматься ему только через четверть часа. Интересно, почему Мэрилин вскочила так рано?

Рекс лег, как лежал, и начал ждать. Минут через десять дверь приоткрылась, впуская едва слышно ступающую хозяйку. Что-то тихонько звякнуло. Рекс ждал.

Вот она поставила свою ношу на столик. Тихо подошла к кровати. Матрас мягко прогнулся — женщина присела на краешек.

Рекс, скрывая улыбку, буквально видел, как Мэрилин потянулась к нему, чтобы мягко тронуть за плечо. Обоняния коснулся запах чистого, еще влажного после душа тела и тонкий аромат духов... Рекс резко развернулся, перехватывая тонкое запястье, и дернул женщину на себя. Она пискнула от неожиданности, опрокинулась, а уже через секунду лежала, вжатая в простыни, и смеялась. Хотела что-то сказать, но Рекс закрыл приоткрывшийся рот поцелуем. Мэрилин в ответ оплела его руками, прижимая к себе...

В этот раз всё было ярко, но недолго. Время подгоняло, а потому он выложился по максимуму. Когда всё закончилось, уткнулся лбом в лоб Мэрилин и на какой-то долгий миг просто замер. Не мог объяснить, но после примирения между ними что-то неувовимо изменилось. Она словно стала мягче и ребячливей. Будто бы младше. А может, после пережитого накануне он просто казался себе старше? Или Мэрилин, увидев его в лагере карателей совершенно другим, признала авторитет мужчины? Поняла, что «милое недоразумение, которое очень хочется потискать», больше не тот неопытный юнец? Убедилась, что больше нет необходимости его опекать? Теперь он в состоянии защитить не только себя, но и ее.

Впрочем, сказал Рекс, разумеется, совсем другое:

— Зачем мы вообще спали? Впустую потратили столько времени...

Женщина улыбнулась:

— Мы копили силы. Они тебе сейчас очень понадобятся. Завтрак ждет...

Завтрак и вправду ждал на столике, но Рексу не хотелось вставать с постели. Он улегся на спину, притянул к себе Мэрилин и начал коварно поглаживать ее по обнаженному телу, чтобы в очередной раз не сбегала. Она и не сбегала, лежала, устроив голову у него на груди, и молчала. Похоже, думала о том же, что не давало покоя ему: когда теперь снова увидятся.

А время уходило почти осязаемо... Следовало собираться, но так не хотелось! Любимая женщина, наконец-то, была рядом, теплая, разомлевшая, слегка растрёпанная, такая уютная... Только-только всё утряслось — и вот опять уходить, и опять впереди неизвестность. Когда снова отправят в рейд? Куда? На сколько? Как сейчас прощаться? На месяц? На год? Снова на несколько лет?

Эта неопределенность затмевала все успехи вчерашнего дня. А ведь тест-то пройден. Надо бы радоваться, но мысли в ту сторону даже не думались. И вообще жизнь, ждавшая за стеной Периметра, теперь казалась какой-то параллельной реальностью. Другие люди, другие проблемы, всё другое.

Но там мама...

Мэрилин, наконец, не выдержала, отстранилась, легонько поцеловала Рекса в висок и сказала с улыбкой:

— Давай всё-таки позавтракаем. Или ты решил залюбить меня на перспективу? Так уже на год хватит, не меньше.

Рекс улыбнулся в ответ, но улыбка вышла невеселой.

— Я ведь правда не знаю, когда вернусь, — сказал он, чувствуя невероятное облегчение от одного того, что может обсуждать с Мэрилин свою жизнь, что больше нет необходимости хранить от неё секреты и выдавать себя за кого-то другого.

— Но ведь вернёшься. К тому же сегодня ты отправляешься домой, — напомнила она, — а не в черный сектор в момент передела власти. Не думаю, что у вас там так уж опасно.

— Да, не особо. Но там нет тебя, — просто ответил он.

— Вот уж спасибо, — снова вернулась к нему в объятия женщина. — Мне и здесь неплохо.

Собеседник рассмеялся.

— А у вас... там... — она не стала продолжать, смутилась.

— У нас там по-разному, — он понял ее невысказанный вопрос. — Очень по-разному, понимаешь? Как и здесь. Есть низы, которые не видят ничего, кроме тяжелой нужды, есть середнячки, а есть богатые и влиятельные люди, как бонзы. Например, мама

у меня живет в рабочем районе, она швея на фабрике. А я вообще вырос в интернате. Меня забрали у нее в десять лет.

Мэрилин посмотрела удивленно:

— Забрали? Зачем?

— Ну... отец болел и умер, мама несколько лет выплачивала кредит за его лечение, все заработанные деньги уходили в банк, как в бездну. Поэтому меня перевели в интернат — корпорация изымает детей из малообеспеченных семей. Это считается помощью. Мама изредка приезжала на свидания, когда удавалось накопить денег на дорогу и если получалось отпроситься с фабрики.

Глаза у Мэрилин округлились.

— А ты думала, если корпорация, значит, все шикарно живут? — улыбнулся Рекс. — Я маму впервые вывел в кафе три года назад, когда отсюда вернулся. Она раньше никогда не была в таких местах и не пробовала ничего, кроме сублиматов. Я в жизни не видел, чтобы человек настолько стеснялся официантов. Да и мне, в общем-то, светила такая же жизнь. Ни один из моих интернатских товарищей не смог ее избежать. А у меня была мечта — заработать, чтобы забрать маму с фабрики, показать ей другую сторону жизни, о которой она ничего не знает, ну и самому пожить иначе.

Потрясенная Мэрилин слушала этот рассказ, не перебивая.

— Знаешь, — Рекс притянул ее еще ближе и поцеловал, — больше всего на свете жалею, что невозможно вас познакомить. Я бы ради этого... Не важно. Так что ты там говорила про завтрак?

Он сменил тему, но слушательница всё ещё оставалась под впечатлением от рассказа и спросила немного невпопад:

— Думаешь, я бы ей понравилась?

Рекс удивленно на нее посмотрел:

— Нет, не думаю. Я уверен, что ты бы ей понравилась. Она... понимаешь... она не знает, кто я, я ей не рассказывал — будет волноваться, ночей не спать, у нас ведь о Той стороне много разного рассказывают, и всё страшное. В общем, мама уверена, что я служу в ГБР.

— И что в этом такого? — не поняла Мэрилин.

Рекс улыбнулся:

— Леди, где такая, как вы, и где рядовой ГБР? Между этими двумя статусами — бездна. Проще моей маме выйти замуж за директора фабрики, на которой она работает, чем простому бойцу заинтересовать женщину вроде вас.

Мэрилин рассмеялась и выскользнула из его объятий.

— Ну хватит, льстец. Давай завтракать, — она придвинула к кровати сервировочный столик, на котором стоял поднос, накрытый термоколпаком.

Ладонь Рекса легла на обнаженное женское бедро.

— Даже не думай, — сказала Мэрилин, добавляя в голос строгости и стараясь сдержать улыбку.

— Я и не думал, — тут же соврал Рекс. — Просто... спасибо за заботу.

— Кто бы мне сказал, что я не только позволю мужчине у себя ночевать, не только разрешу складывать вещи в мой шкаф, но еще и завтрак ему принесу...

— Не поверила бы? — теплая ладонь мягко гладила бедро.

— Долго бы смеялась, — ушла от ответа Мэрилин и переложила мужскую руку со своего бедра на чашку с кофе.

Рекс рассмеялся, но подчинился.

...Они простились через полчаса на крыльце укрепмотора. Рекс поцеловал Мэрилин, а она вдруг удержала его за затылок и тихо-тихо произнесла:

— С тобой можно вести дела и тебе можно доверять. Возвращайся, хорошо?

Она поцеловала его, совершенно потрясенного услышанным, круто развернулась и ушла в здание.

* * *

Первый раз он проснулся рано утром, когда женщина плавно и бесшумно выскользнула из-под руки. Абэ поднялся на локте, понимая, что ночь закончилась, пора вставать и...

— Спи, — шепнула Су Мин, легонько его целуя. — Еще рано. Я скоро вернусь.

Он не стал спорить, кивнул и снова провалился в уютную дрему.

Второй раз сон нарушил тихий шелест открывшейся двери. В комнате было уже совсем светло. Рядом с постелью обнаружилась вешалка-стойка с его одеждой, аккуратно устроенной на плечиках. Носимый комплекс лежал тут же, на полу, кобура с пистолетом — поверх наспинного блока.

На несколько секунд Абэ снова прикрыл глаза. Ему было спокойно. Очень спокойно. И он продолжил лежать, наслаждаясь этим покоем и негромким шуршанием за ширмой, там, в комнате.

Су Мин до последнего берегла сон своего гостя. Вот едва слышно присела и поставила на низкий столик поднос с завтраком. Тихонько звякнула посуда. Кофе полился в чашку. По комнате поплыл крепкий терпкий аромат... Не захочешь, а встанешь.

Абэ улыбнулся, отбросил одеяло, поднялся и начал неторопливо одеваться. Женщина молчала, но сквозь ширму гость чувствовал ее взгляд и почему-то был уверен, что она тоже улыбается. Когда он вышел в комнату, Су Мин сидела на циновке за накрытым к завтраку низким столиком и улыбалась точно так, как Абэ себе представлял. На подносе теснились тарелки с типично европейским завтраком: сэндвичами, тостами, стопкой пышных панкейков. Всё очень аппетитное.

— Доброе утро.

Абэ задумчиво смотрел на нее сверху вниз:

— Женщина, ты коварна. Обещала разбудить, а сама подняла с кровати запахом еды. Доброе утро.

Он наклонился и поцеловал ее, потянувшуюся навстречу, в лоб.

Су Мин улыбнулась:

— Просто вы, мужчины, выбирая между едой и сексом, всегда предпочитаете первое.

Абэ рассмеялся:

— Это потому, что еда дает нам силы на секс.

— Тогда чем же ты недоволен? — она ловко потянула его к себе и тоже поцеловала.

В глазах переливались искорки смеха, а гладкие волосы, собранные в узел, скрепляли подаренные накануне заколки. Абэ опустил ся на циновку, и Су Мин сразу же придвинула ему чашку с кофе.

— Я рада, что ты... — женщина замолчала, явно подбирая нужное слово.

— Снова в форме? — угадал собеседник.

— Да, — кивнула она и осторожно пояснила: — Это было тем еще мучением — наблюдать твоё смятение.

Он задумчиво посмотрел на парок, вьющийся над чашкой.

— Неужто я был настолько жалок?

Су Мин покачала головой.

— Ты вообще не был жалок, Такеши. Ты был страшен. Я испугалась. И очень рада, что все позади.

— Я тоже, — ответил он, делая первый глоток кофе. — Как твоя сестра?

Су Мин улыбнулась:

— Всю ночь восстанавливала моральные силы.

— Кого-то она мне напоминает, — хмыкнул Абэ.

Женщина рассмеялась.

Завтракали молча. Такеши прикидывал план дальнейших действий, вчера-то ему было не до того, а ведь уже через пять дней выдвигаться. Надо подобрать людей, убедить их сменить налаженный быт на обустройство с нуля, знакомые проблемы на неизвестный риск. Надо продолжать кампанию по вбросу дезы, готовить операции прикрытия... Дел накопилось... но, наконец-то, появилось желание, а главное — силы все их решать, вернулся былой азарт, жизнь снова обрела краски, снова вызывала любопытство, побуждала двигаться.

— Прости, не могу задержаться, — наконец, нарушил молчание Абэ, допивая кофе. — Очень многое надо сделать, а вчерашний день полностью потерян.

Су Мин кивнула:

— Я как раз хотела сказать, что не обижусь, если ты уйдешь сразу после завтрака. Ничего страшного, днем ещё увидимся. А вечером я к тебе или ты ко мне? Кинем монетку?

— Вот вечером и кинем, — улыбнулся Абэ.

Он уже собрался встать, но собеседница удержала, легонько притронувшись к запястью.

— Такеши, — она посерьезнела, — вчера я узнала твой секрет...

— Это тебя ни к чему не обязывает, — спокойно прервал ее Абэ. — Я раскрыл его по доброй воле.

— Нет, подожди, — Су Мин опять не дала ему подняться. — Я получила преимущество — это плохо. Поэтому — один мой секрет взамен. Спрашивай.

Абэ задумался. Первое, что пришло в голову, спросить про ее загадочное вчерашнее предупреждение, но женщина легко угадала ход мыслей гостя.

— Не про того латиноса, — сказала она. — Я обещала свой секрет, а этот — не только мой.

— Тогда... — Абэ внимательно посмотрел собеседнице в глаза. — Почему ты так странно себя вела накануне, когда позвонила мне и попросила прийти?

— Разве неясно? Тебя очень захотела, — снова заулыбалась Су Мин. — Ты испугался? Или мечтаешь о повторении?

— Испугался, конечно, — с совершенно серьезным видом ответил Такеши. — Получил психологическую травму и теперь в реабилитационных целях мечтаю о повторении. Но очень возможно, что для полного восстановления понадобится не один сеанс.

Су Мин рассмеялась, однако потом снова посерьезнела и задумалась. Такеши ее не торопил.

— Понимаешь... — заговорила, наконец, женщина, — я чувствую личный счет всех, с кем общаюсь. Могу приблизительно угадать, скольких убил тот или иной человек.

Абэ заинтересовался:

— Например?

— Например, ты, — она внимательно посмотрела на собеседника, — семь-восемь тысяч.

Теперь настало время Абэ задуматься и вспомнить. Он пробежался по крупным операциям и диверсиям, по личным вылазкам... Самолет, эвакуировавший руководство острова с семьями, давно, ещё в том полушарии, — он в диком перегрузе шел, — человек четыреста. Подрыв монорельса — два поезда под откос — около тысячи. Диверсия на химпроизводстве... Собственно, плюс-минус так и выходило.

— Любопытно, значит ли это...

— Нет, — покачала головой женщина. — Меня не возбуждают убийцы. Скорее, мне нравится ощущение силы, которая от них исходит. Сложно объяснить. Это похоже на легкую эйфорию. Но есть те, на ком это чувство зашкаливает. И тогда мне... просто безумно хочется мужчину. Спасибо, что ты тогда пришел.

Она чуть склонила голову в знак благодарности.

Желтые пионы в волосах вспыхнули теплым радующим светом, словно в каштановых прядях запутался принесенный с улицы солнечный луч.

* * *

Барт устало ковылял по переулку, следуя указаниям. Без руки и без ноги был полный пиздец, бя. Довели, шалавы, до полной инвалидности. И ведь обидно-то как... всё из-за каких-то трёх сук: узкоглазой манды, кудрявой блядвы и пиздищи Хелены!

На этих мыслях Барт сам себя одернул. Ну нах. В эту сторону лучше не думать. Уж больно двусмысленно получается. Особенно